
тельности и истины. Повествования и отчеты о научных открытиях в изложении великих ученых и путешественников выплескиваются на страницы научных, а затем и научно-популярных изданий, ими начинают зачитываться широкие слои населения.

Таким образом происходит эволюция концептосферы травелога: от мифологических первообразов-описаний странствий и путешествий мифологических героев, закрепленных традициями и обычаями, укорененных в седой древности, до современных многообразных видов и жанров травелога научного характера (научный отчет, монография, научно-методические пособия и рекомендации).

В завершении отметим, что травелог, рассматриваемый в диахронном плане, при всех своих трансформациях, продолжает оставаться формой (способом) творческого освоения мира человеком, активной практикой предметно-преобразующей жизнедеятельности человека. Сейчас бурно развивается индустрия туризма, которая превратила травелог (путешествие) в коммерческое предложение. Маркетингизация травелога – процесс закономерный в обществе массового потребления. У него можно обнаружить как сильные, так и слабые стороны. Посредством туризма многие люди обретают новые знания и впечатления, знакомятся с иными культурами и традициями, получают ценный опыт межкультурного общения. Всё это мы относим к сильным сторонам туризма. Говоря об его слабых сторонах, следует отметить стандартность и стереотипность предлагаемых турагентствами маршрутов для путешествий. Турист, как правило, не выходит за рамки предложенного «меню», действует по «расписанию», по определенной схеме, продвигается от одной предписанной локации в направлении другой. Такая начертанная заданность движения не позволяет в полной мере заниматься творческим расширением горизонта путешествия, делать значимые для общества открытия, т. е. приводит к значительному сужению функций, которыми наделён дискурс травелога, рассматриваемый в широком смысле.

1.3. Концептуальная структура травелога: синхронический аспект

Если от диахронного анализа травелога, взятого в его развитии от мифологического образа к концепту (культу-

рологии, литературоведения, лингвистики и др.), перейти к *синхроническому «срезу»*, т. е. к анализу травелога как уже «ставшего», сложившегося культурного феномена, то важно вновь подчеркнуть, что основные вехи исторического развития травелога отложились внутри его нынешней структуры в виде определенных культурно-когнитивных слоёв.

Любой концепт травелога – это открытая структура, способная вбирать и поглощать всё новые и новые элементы чувственно-образного и рационально-теоретического представления о мире и о человеке в этом мире.

В гетерогенной структуре травелога присутствуют компоненты различного вида: а) архетипические концепты, иногда называемые «мифологемами» (с неочевидным интуитивным содержанием); б) мифологические и мифопоэтические синкретические образы; в) рациональные схематизмы (построения, методы и способы развертывания содержания, аргументированные обоснования и т.п.); г) рационально-теоретические компоненты (понятия, категории, концепты, теории, картины мира).

В травелоге, взятом в синхроническом его ракурсе, сосуществуют друг с другом как слои *архетипического, иррационально-мифологического видения и освоения действительности*, так и когнитивные структуры, связанные с *рационально-теоретическими формами восприятия и репрезентации реальности*. Важно отметить, что в структуре концептов травелога архаическое, иррационально-мифологическое «начало» постоянно «просвечивает» через более поздние, «нарощенные» слои рациональности. Это относится не только к базовым («ядерным») концептам, но и ко всем смежным к ним концептам, раскрывающим определенные ракурсы Пути и Путника, а именно, – к концептам «Начало», «Зов/Вызов», «Врата», «Граница», «Толмач/Переводчик/» и др. Столь же многослойный характер имеют концепты «Посредник», «Проводник», «Трикстер».

Устойчивая связь концептов Путь и Путник представляет собой *схематизмы*, которые как силовые линии в кристалле пронизывают тело культуры, давая первичную опору нашим самым глубоким фундаментальным представлениям, связанному мышлению и правильной, целесообразной речи.

Особое значение имеют концепты, характеризующие исходные и конечные моменты Пути – «Начало» (в ответ на Зов) и «Завершение» Пути (в том числе – Смерть). Путь,

соединяя эти точки, выступает неким «мостом» между ними. Образ *моста* (над бездной, над потоком, течением) играет важную наглядно-конструктивную роль: проброшенность моста над опасной бездной являет очевидную связь между Началом и Концом Пути. Он воплощает отягощенность опасностью пространственно-образной связки исходной и конечной точек Пути. Не менее важна присутствующая в образе моста идея противостояния потоку, символизирующая опасность разобщения. Дело в том, что образ моста над пропастью, над потоком, в котором легко мгновенно пропасть, является подтверждением важности поддержания связности многотрудного процесса движения от Начала до Конца Пути.

В мифе Начало Пути обычно сколько-нибудь отчетливо и содержательно не обозначено: «в некотором царстве, некотором государстве...», «жили-были...», «однажды...», хотя рождение мифологического героя обязательно отмечено каким-либо событием-знаком (чудесный характер рождения, ранние намеки на недюжинные способности и т.п.). Заслуживают внимания лишь немногие важные знаки: пята Ахиллеса, звезда на востоке, приход волхвов и т.п.

О начале Пути героя литературного повествования вообще мало что можно сказать: видимо потому, что обстоятельства его жизни еще не таят в себе ничего «героического», позволяющего ему выступать в этом качестве, а потому они и не заслуживают упоминания. Это уже в более поздней форме литературы будет внимательно исследоваться «происхождение мастера», предыстория героя, того, как все готовилось и начиналось (хотя «ничто не предвещало...»).

Начальная точка важна именно своим исхождением, в противном случае наступает неподвижность, абсолютная неизменность, обретение покоя (а это – состояние божества, для человека это равно смерти). Но речь идет о герое, и с ним приходит множественность событий. Разумеется, в мифах много говорится о желанности обретения покоя (телесного и душевного), но коль скоро это состояние скорее божественное, нежели человеческое, то оно выступает некой заветной недостижимой целью («покой нам только снится»). Но даже в китайской культуре с ее известным неприятием перемен («чтоб вам жить в эпоху перемен!») идея движения, Пути и Путника пустила глубокие корни в национальную философскую традицию (особенно она просматривается в даосизме и конфуцианстве).

Травелог завершается в конечной точке Пути, в точке обретения сакральной цели: повествование умолкает, ибо других заслуживающих упоминания и внимания деяний там уже не происходит. В самом деле, даже если герой достигает заветной *цели*, то описывать дальнейшее уже нет никакого смысла: все самое главное исполнилось, и миф может лишь пробормотать о том, что «жили они долго и счастливо...». Позднейшая рефлексия иронически добавит: «и умерли в один день», или «и я там был, мед-пиво пил...». Действительно, абсолютное завершение Пути обусловлено исполнением завета, достижением заветной цели, которая и есть внутренний смысловой каркас Пути, создающий смысл Пути, а вовсе не занудностью описания жизни героя «на пенсии» (как он дряхлеет и все его прежние фантастические качества мало-помалу обращаются в свою противоположность: сила – в бессилие, ум – в слабоумие, зоркость – в подслеповатость и т. п.). Поэтому «настоящий» герой всегда трагичен: он умирает (погибает) в момент обретения цели. Повествование умолкает, хотя и здесь возможны своеобразные продолжения: высшие силы взимают героя к себе на небеса, в свою неизменную вечность. Но что может быть сказано про то человеческим языком? Практически, ничего, потому как – «неизреченно сие». Известно из религиозной мифологии о праведниках, сподобившихся увидеть столь невиданное и услышать столь неслыханное, что их речи становятся крайне смутными, странными, ибо в человеческой речи нет и не может быть ничего, что позволило бы вести сколько-нибудь содержательный разговор.

Концептуальная эманация тесной связи Пути и Путника проступают через *структурное развертывание* самого Пути: Начало Пути – «Вызов» («Зов»); Порог (пересечение границы знакомого и чужого мира; «Врата», с которых начинается Испытание Путника, т. к. в норме они обычно заперты и для их отпирания нужен «Ключ» (код, шифр), только тогда Страж отпирает Врата; затем следуют собственно Испытания-Инициации, которые должны подтвердить, открыть свойства Героя – Путника и, наконец, – Возвращение. Отчасти на это намекает образ Моста, соединяющего Начало и Конец, вознесенного над бездной потока, шаткого или каменно-прочного¹¹⁴.

¹¹⁴ Не случайно герои-богатыри русских сказок бьются

Обратимся теперь к рассмотрению эманации концепта Путник, находящегося в парной связке с концептом Пути.

Образ Путника перекликается с характеристиками Пути, по которому он идет: прямыми путями ходят Герои, окольными и кривыми тропами – Антигерои, отрицательные персонажи. Путь вверх совершают Герои, праведники, изысканные ангелами на Небо, Путь вниз совершают обычно Герои, отягощенные каким-либо страшным обязательством (зарок), связанные клятвой и т. п. Они должны спуститься в царство мертвых, царство смерти и там – либо добыть какое-то важное качество, либо вернуть «неправильно» попавшего туда, вернуть его в царство жизни, исправив какую-то несправедливость или оплошность, т. е. все равно его конечным отрезком Пути будет путь наверх.

Путник, взятый во всей полноте своих проявлений – фигура амбивалентно аранжированная в мифологии: это и герой, это и антигерой, это и *Странник*.

Странник – фигура интересная во многих отношениях. Странник путешествует-передвигается «по *странам*» (света, континентам). Но коль скоро он взят в своем чисто процессуальном аспекте, т. е. в незавершенности, то он с точки зрения качеств героя – еще никакой, а потому – *странный* (неизвестный, неопределенный, непроявленный). Странник своей странностью (невписанностью во что-нибудь стабильное) вызывает подозрения и скрытую агрессию. Не случайно, Странники и Путешественники как исследователи чужеземных пределов всегда вызывали настороженно-враждебное отношение у окружающих и подводились либо под понятие *Шпионов* (Разведчиков-Соглядатаев), либо – Праздношатающихся и Любопытствующих всуе (бездельников, которым нечем себя занять, пребывающих в вечной хандре и тоске).

Образ жизни Странников («каликов переходящих»), которые только тем и занимаются, что передвигаются от одной святыни к другой, от одной достопримечательности – к другой, но так и не прибывают к какой-нибудь постоянной основе (профессии, месту жительства, социальной группе), оправдывало именно эта жажда приобщения к святыням, т. е. высшим ценностям. Но именно этим своим стремлением к высшим ценностям Странники производят сме-

с враждебной силой на «Калиновом мосту», через речку «Сморозинку».

щение (трансформацию) представления о самом *смысле* Пути, делая центральной идеей не смыкание крайних точек Пути (Начало и Конец), – а *процессуальность* его осуществления, так, что сама реализация Пути как процесса становится собственно его смыслом. При этом всякие остановки на Пути рассматриваются либо как вынужденные, вызванные внешней нуждой, либо как признак критического состояния самого Странника, которое может в итоге привести к обесмысливанию самого процесса Странничества. Поэтому Странники «бегучи», неудержимы на одном месте, они маргинальны по отношению к основной массе людей, пребывающей в социально-упорядоченном, хотя и динамичном социуме. Странник – это образ «перекати-поля», неустроенного кочевника, который предстает достаточно иррациональным персонажем для всех остальных.

Странность Путника, исследующего прозаическую повседневность иных стран (городов-весей), бросается в глаза местному населению, жестко «привязанному» к определенной жизненной колее. Путник, вызывающий подозрительность, обретает имя Разведчика (Шпиона, Лазутчика, Соглядатая).

Понятие «Разведчик» в научных травелогах приобретает метафорическое звучание: Путник превращается в Разведчика природных недр, нехоженных путей в науке и литературе, социумов, обретает особый (в том числе ценностный) статус. Быть разведчиком – это опасно, это ответственно (качество информации, свидетельства), но это и дает заманчивую возможность реализации риска, поиска приключений. Ответственность на Разведчике лежит двоякая – и перед исходной и конечной инстанциями, пославшими его в странствие, и перед различными лоциями как структурными компонентами Пути, в которых он собирает информацию.

В ряду производных концептов, выступающих формой конкретизации концептов «ядерного» плана, важная роль принадлежит концепту *Гость*.

Феномен гостеприимства развивается вместе с ходом культуры как осознание взаимной пользы дружелюбного отношения к путешественникам. Строго говоря, архаическое содержание явлений «Гостеприимство» и «Гость» распространялось на всех «чужих». Исследователь Ю.К. Колосовская отмечает: «Этимология слова – «гостеприимство» (*hospitium*) восходит к общеиндоевропейскому корню

и связана с родственными понятиями – *hospes/hostis*, когда этим словом обозначали не только «врага», «неприятеля», но и вообще «чужого человека», «чужака», «чужеземца, нарушающего границы... В древности гостеприимство представляло собой институт международный. Перемена в сознании людей произошла вследствие их длительного общения друг с другом, когда чужеземец не был больше врагом, но воспринимался как лицо, прибывающее из-за границы. Вместо слова *hostis* появилось слово – *peregrini* (*peregrini*), понимаемые как «чужеземцы», как люди «из-за поля»¹¹⁵.

Действительно, этимология слова – *hospitium* примечательна в том отношении, что она показывает развитие мышления человека древности, когда окружающий мир мыслился как разделенный на два противоположных мира – на мир чужой и мир свой, что в языке находило отражение: «человеком» именовался только представитель «своего» племени. Но с «чужими» необходимо было поддерживать некие отношения. Для нашего исследования важно отметить, что Гость и гостеприимец заключали договоры – частные, индивидуальные или общинные, государственные. Их сопровождали клятвы, обряды жертвоприношения богам и требования соблюдения определенных прав и обязанностей (весьма, надо сказать, разнообразных и выходящих далеко за представления о «хлебосольстве», взаимном уважении и т.п.). Так что гостеприимство открывается не только как явление частное, но и как важный инструмент международных отношений: «Привилегии гостя, прибывшего в чужую общину, состояли в бесплатном жилье, бесплатном питании (*lautia*), гостевом подарке (*хепіолум*). Он имел также право участвовать в жертвоприношениях, быть приглашенным на торжественный обед, устраиваемый сенатом, смотреть на зрелища и в качестве посла находиться на особом помосте форума, так называемом грекостасисе. Гостю дарились подарки – золотые и серебряные – в зависимости от статуса лица, прибывшего в общину, и статуса лица, принимающего гостя в этой общине. В случае, если гость заболел, в обязанности гостеприимца входило оказание ему медицинской помощи, в случае смерти – обязанность погребения. К гостю был прикомандирован спе-

¹¹⁵ Колосовская Ю.К. Гостеприимство в системе *ius gentium* древнего Рима // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1999. № 1 (4). С. 86–98. URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2166>.

циальный раб для услуг (*servus ab hospitiis*). При гостеприимстве личное право гостя приобретали характер семейных связей. Гость имел право на участие в ужине со всеми членами семьи; при его приходе готовилась ванна; он участвовал в жертвоприношении домашним богам – очагу Весты, а также Ларам и Пенатам, т. е. приобщался к святыням дома. В доме, где размещался гость, имелись специальные комнаты, так называемые домики (*domuncula*). Двери дома, где принимали гостя, были открыты для его друзей и друзей хозяина дома. Это связывало гостя с интересами той общины, куда он прибыл, и одновременно способствовало упрочению связей между обеими общинами – родной и чужой... Сам гость, находясь в Риме, не был связан никакими правовыми нормами с римской общиной, ибо его право – было правом другой общины»¹¹⁶. Однако римский гражданин, обычно патриций, принимающий гостя в своем доме, «обязывался защищать его интересы и интересы общины, которую он представлял, а также оказывать поддержку в его судебных делах»¹¹⁷. Права, которые гость приобретал посредством своего римского друга, т. е. гостеприимца, делали его участником в делах римской общины.

В этом явлении обычно вызывают удивления две стороны – повсеместное распространение его у самых различных народов и контраст с повседневными нравами в Древности, когда первый встречный, не особенно задумываясь, мог убить путника. И здесь важно иметь в виду, что «охрана» статуса гостя возлагалась, скорее, не на человеческие установления, конвенции и законы, а на «божеские»: нарушение законов гостеприимства каралось как святотатство: «Гостеприимство или его пережитки в качестве кровнородственных связей существовали в римской общине всегда. Важнейшей чертой гостеприимства было право гостя в области религиозно-нравственной. Прибывая в другую общину, гость, как лицо бесправное, мог полагаться больше на защиту божеского права, чем человеческого. Существовало твердое понятие о праве гостеприимства (*iushospitii*), которое нарушить было невозможно вследствие общенравственных законов человеческого общества. Оскорбить гостя у германцев считалось грехом. Нарушение законов гостеприимства, ког-

¹¹⁶ Там же. С. 88.

¹¹⁷ Там же. С. 88–89.

да оно совершалось за пиршественным столом, осуждалось особо сурово. Существовало понятие о святости стола и стоявшей на нем еде (*sacramensa*). Нарушить трапезу за столом считалось делом безбожным, ибо приглашенный за стол считался лицом неприкосновенным¹¹⁸.

Сакральный характер гостя подчеркивался непереносимым присутствием совместного поедания специальной еды, которой отводилась важнейшая роль в установлении и скреплении нового союза, и которая превращала «чужого» (гостя) и гостеприимца в «своих».

В XVI–XVII вв., с развитием международной торговли появляется купеческая категория – *гости*. Гости имели право торговать с другими городами и странами. Гости вели только оптовую торговлю. К середине XVII века гости стали высшей категорией привилегированного русского купечества.

Еще один вариант Путника, достаточно разнообразно разработанный в мировой художественной литературе: «*Авантюрист* (фр. *aventurier*) – искатель приключений, беспринципный человек, занимающийся авантюрами (по Ожегову¹¹⁹).

Существует ряд альтернативных определений, например, искатель счастья, приключений; землепроходец, проходимец; беспринципный человек, занимающийся авантюрами. В большинстве других языков слово не несет негативной окраски, например в Англии существовала торговая *Компания купцов-авантюристов* (англ. *Merchants adventurers*), основанная ещё в начале XV века и одно время считавшаяся серьёзным конкурентом Ганзы, в начале XVII века была реорганизована в *Гамбургскую компанию* (прекратила своё существование в 1808).

В истории Европы XVII–XIX вв. принято выделять категорию людей сомнительной, подчас скандальной, репутации, оставившую заметный след в событиях той эпохи. Как правило, они много путешествовали, активно занимались политикой, подозревались в шпионаже и имели неустановленные источники доходов или были самозванцами, или же просто приписывали себе аристократическое или экзотическое

¹¹⁸ Там же. С. 90.

¹¹⁹ Авантюрист // Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание четвертое, исправленное и дополненное. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. С. 16.

происхождение. Особенно знаменитыми являются французские авантюристы XVIII в. Как отдельную категорию в русском языке следует рассматривать конкистадоров и прочих путешественников-первооткрывателей, хотя в английском языке их часто относят именно к *adventurers*.

Стефан Цвейг иронически по их поводу замечал: «Они носят фантастические формы какой-нибудь индоостанской или монгольской армии и обладают помпезными именами, которые в действительности являются поддельными драгоценностями, как и пряжки на их сапогах. Они говорят на всех языках, утверждают, что знакомы со всеми князьями и великими людьми, уверяют, что служили во всех армиях и учились во всех университетах. Их карманы набиты проектами, на языке – смелые обещания, они придумывают лотереи и особые налоги, союзы государств и фабрики, они предлагают женщин, ордена и кастратов; и хотя у них в кармане нет и десяти золотых, они шепчут каждому, что знают секрет *tincturae auri* (приготовления золота). При жадном дворе они показывают новые фокусы, здесь таинственно маскируются масонами и розенкрейцерами, там у каждого князя представляются знатоками химической кухни и трудов Теофраста. У сладострастного повелителя они готовы быть энергичными ростовщиками и фальшивомонетчиками, сводниками и сватами с богатыми связями, у воинственного князя – шпионами, у покровителя искусства и наук – философами и рифмоплетами. Суеверных они подкупают составлением гороскопов, доверчивых – проектами, игроков – краплеными картами, наивных – светской элегантностью, – и все это под шуршащими складками, непроницаемым покровом необычайности и тайны – неразгаданной и, благодаря этому, вдвойне интересной...»¹²⁰.

Авантюрами могут быть опасные приключения, бесцельные похождения, неожиданные происшествия, а также главные свершения жизни или деловые рискованные предприятия. Авантюрные *события* порождают психологическое и физиологическое возбуждение, которое может быть, как отрицательным, так и положительным. Для некоторых людей,

¹²⁰ Цвейг С. Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой: Биографическая повесть // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: ТЕРРА, 1996. С. 165. URL: https://www.mnogobook.ru/proza-main/klassicheskaya_proza/11671/fulltext.htm.

авантюра, рискованное приключение становится главным делом жизни. *Авантюра* – понятие, используемое во многих контекстах и ситуациях, в частности, это ключевой компонент рассказов, легенд, сказок, драм и спектаклей, широко используется в сюжетах книг, фильмов, музыкальных произведений, компьютерных игр.

Есть еще один персонаж, играющий определенную роль в травелогге: это – *Трикстер* (англ. *trickster* – обманщик, ловкач) – «демонически-комический дублер культурного героя, наделенный чертами плута, озорника»¹²¹. Трикстер может быть божеством, духом, человеком или антропоморфным животным, совершающим противоправные действия или, во всяком случае, не подчиняющееся общим правилам поведения. Как правило, трикстер совершает действие не по «злому умыслу» противления, а ставит своей задачей разыграть ту или иную жизненную ситуацию. Для трикстера важен именно сам процесс игры. В художественных произведениях трикстеры часто выступают в роли антигероев.

Занятно, что в современном информационном пространстве этому персонажу предоставляется огромное поле деятельности в качестве интернет-тролля. Интернет-тролли пользуются средствами из арсенала трикстеров (провокация, вызов конфликта, агрессивное хамство¹²²), добиваясь похожих результатов. Но есть существенные различия: Трикстер – придуманный людьми персонаж, интернет-тролли – реальные люди или коллективы, использующие маски. Поведение трикстера может выглядеть грубым и аморальным, но сами трикстерские (плутовские) истории предполагают некий моральный порядок, где трикстеру отведена своя, строго определенная роль. Деятельность интернет-троллей, напротив, открыто аморальна. Они ведут игру по собственным грубым правилам, производя компрометацию и травлю своих целевых объектов.

В связке Пути и Путника особой статусной ценностью обладает *Имя героя*: трудности проходимого Пути, преодоление с огромными усилиями встречаемых препятствий, преоб-

¹²¹ Трикстер // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с. URL: <http://bibliotekar.ru/mif/195.htm>.

¹²² Булатова Е. И. Сетевые коммуникационные стратегии: троллинг // Вестник СПбГУКИ. 2017. № 2 (31). С. 75–78.

ражают Путника, что позволяет ему дать новое имя. Но есть еще один вариант, когда именем Путника называется сам Путь, поскольку данный Путь стал прославленным самим героем-Путником. Такие именные Пути известны во всех культурах: Путь Будды, Путь Христа, Путь Магомета, Путь Сурьи, Митры, Озириса, Варуны, Аполлона и др.

С рождения героя (Путника) могут именовать любым именем, но овеянный славными делами жизненный Путь сообщает ему новое, статусное имя. К примеру, правящие особы получали такие яркие имена как Харальд Смелый, Филипп Красивый, Иван Грозный, Петр Великий, Екатерина Великая.

Важное значение при рассмотрении концептов Пути и Путника имеют связанные с их названиями *эмоции, чувства и оценки*. Мифологические схематизмы ценностно амбивалентны, следовательно, содержат противоположные оценки. Оценки Путника могут варьироваться от позитивно окрашенных (путешественник, землепроходец, первопроходец, первооткрыватель и т.п.) до содержащих негативные коннотации (скиталец, перекасти-поле, бродяга, чужеземец и т.п.). Соответственно Путь в положительном смысле рассматривается как большой жизненный путь, путь замечательный, героический, праведный и т.п. В негативном смысле – Путь предстает в виде скитания, ссылки, изгнания, побега, т.е. оценивается как несправедливый. В нейтральных оценках Путь – это путешествие, экспедиция, поход, поездка, плавание, полет и т.п. Пути могут быть кривыми и прямыми, доблестными, героическими или бесславными, гибельными. Существуют модели специально осложненных Путей. Это – Путь-Лабиринт, Путь-загадка, которые требуют дополнительных усилий в поисках решения пространственных или мыслительных задач.

Итак, Путь по своему *целевому назначению* может стать средством формирования героических качеств у Путника, способом проверки-испытания героя на предмет его стойкости, силы духа, способности исполнения клятвы (завета). Путь может также выступить в роли провокатора удовольствий и испытания авантюристских качеств Путника.

В любом травелоге Победа Путника, преодолевающего опасности трудного Пути (Приключения), означает, что он прошел Испытание и достиг поставленной цели. Самым сильным испытанием является Подвиг – смертельно опасный

Выбор Путника, в результате которого Путник становится Героем. В отличие от мифа, где Герою с самого начала предопределено совершение Подвига, в результате чего он умирает (таково его главное отличие от Богов, сыном которых он является), в литературных травелогах Путник становится Героем (а не просто «героем литературного произведения») в результате своего Выбора. Поэтому лучшей развязкой для читателя/слушателя/зрителя травелога является победа Путника над Путем, Испытаниями. Совершив Подвиг, Путник вполне может остаться живым и невредимым. Однако странствия и путешествия Путника по проторенным или непроторенным Путям не всегда завершается достижением поставленной цели (и не только в результате гибели самого Путника): часто Путь к заветной цели может оказаться принципиально неосуществимым (невозможным) в силу ряда причин, что может выявиться только в конце Пути.

Другой известный вариант победы Пути над Путником – вариант Агасфера. Здесь необходимость преодоления Пути не просто есть Рок, но – проклятье. Путь трактуется как наказание. И смысл его в том, что у этого пути нет конца. Мы знаем, что Герой (Агасфер) обречен на вечные скитания (странствия), его кончина органично «встроена» в его «героичность» (иначе это был бы бог). Непрерывные и нескончаемые странствия обесмысливают Путь или придают ему антисмысл страшного, невыносимого деяния. Это уже какой-то ненастоящий герой, поскольку он не обладает способностью завершить свой Путь. Путь, не пройденный, не имеющий конца, не позволяет герою героически свершиться.

Если учесть, что схема Пути традиционно включает такие векторы, как Путь вперед (прямой и кривой, нехоженный, окольный), Путь вверх и Путь вниз, а также, если учесть, что на каждом значимом этапе пути, когда необходимо существенное этапное деяние и герой должен делать выбор из нескольких вариантов («прямо пойдешь – коня потеряешь...»), то, в сущности, Путь предстает перед нами в виде «дерева решений»¹²³.

¹²³ Левитин, А.В. Алгоритмы: введение в разработку и анализ / Ананий Левитин; [пер. с англ. и ред. С.Г. Тригуб, И.В. Красикова]; Ун-т Вилланова. Москва [и др.]: Вильямс, 2006. 574 с. Глава 10. Ограничения мощи алгоритмов: Деревья принятия

В мифе, как известно, есть одно Древо – Древо Жизни. Оно же – Древо Познания. В каждой точке выбора Путь ветвится; ветви разрастаются в мощные главные или боковые (параллельные) стволы или засыхают и отламываются под ударами стихии (судьбы). В первооснове «Дерева решений» лежит архетип «Дерева жизни» (и смерти). Древо жизни симметрично относительно наличной реальности и положения субъекта – оно уходит «вверх» («Крона»), и оно же уходит «вниз» («Корни», «Ризома»), в тьму бессознательного (индивидуального и коллективного). «Крона» – «светлая», рациональная сторона Древа Жизни (Древа Познания), плодородная сторона («пожинаем плоды выбора»). «Корни» (Ризома) – темная иррационально-мифологическая сторона Древа Жизни (Древа Познания): там предтечи, предпосылки, там – неизреченное (как «еще не-изреченное», так и в принципе «неизреченное» как неизрекаемое, глубины мерцания смыслов.

Обратим наше внимание еще на один схематизм – Возвращение¹²⁴. Наряду с Началом Пути¹²⁵ (когда Путник преодолевает границу миров (Порог) через Врата и устремляется к цели), вместе с кульминацией его – Подвигом (Приключением-Испытанием-Посвящением) обязательно присутствует такой компонент как Возвращение Путника. Концепт Возвращения играет важную роль в завершении (исполнении) Смысла Пути и всех тех превращений, которые претерпевает Путник по дороге к Цели. Даже «путь

решения. С. 409–417.

¹²⁴ Достаточно сказать, что концепт Возвращения как мотив в мировой культуре разработан исключительно многообразно: это и схематизм «возвращения домой» (Одиссея в Итаку) и «возвращение блудного сына» (Библия), «возвращение к истокам» (Назад к Канту! Возвращение к истокам в марксизме и ленинизме). «Архаическая семантика ситуации возвращения восходит к пространственной модели мира, в которой иерархически соотнесены центр и периферия. Возвращение – это новое обретение сакрального центра после его вынужденной или намеренной утраты» (См.: Т.Л. Рыбальченко. Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950–1990-Х ГГ // Вестник ТГУ. Филология. 2007. № 1. С. 58–82).

¹²⁵ Дж. Кэмпбелл особо отмечает этот момент, указывая, что Началом Пути Героя (Путника) может быть «Зов» («вызов» – Challenge).

в один конец», который может выбрать Путник, означает все-таки его Возвращение – но уже в качестве Героя, свершившего Подвиг и потому сущностно превратившегося из обыкновенного начинателя Пути – в героического Путника.

Отдельно заметим, что Возвращение связано с Превращением и Коловращением: начиная Путь, Путник оказывается вовлеченным в цепь коловращений¹²⁶ – т.е. непрерывных действий-поступков, связанных с Путником как центром притяжения всех благ и несчастий. Но если коловращения – это многочисленная совокупность или последовательность переживаемых событий, в которых воплощается повседневность Пути, «заедающая» Путника и заставляющая его «вращаться как белка в колесе», то Превращение – это преобразования, происшедшие с Путником (если он не уклонился от цели Пути, не провалился в колею повседневности и обыденности). Он, совершая Поступки, возвышается над коловращением, обретая новые качества (опыт, мудрость, храбрость и т.п.), при этом все-таки оставаясь тем Путником, который выходил в Путь.

Возвращение завершает Путь, причем, не только в структурно-динамическом аспекте (обратный переход в исходную точку, «домой»), но и в смысловом плане: исходное Начало Пути, которое содержало или не содержало ясно очерченной, сознательно поставленной цели, которое еще только брезжило планами и замыслами, теперь обрело своё завершение, поскольку Путник обрел новые качества, ему открылось значение самого Пути (от первотолчка к нему, до заключительного акта).

Синхронический анализ концептосферы травелога позволил выявить смысловые связки между «ядерными» и периферийными концептами, обозначить взаимообусловленный характер отношений между ними и разноплановость содержащихся в них эмоционально-образных оценочных моментов. Отметим также, что концептосфера травелога включает в свой репертуар разнообразные художественные образы освоения Путником своего Жизненного Пути, среди

¹²⁶ Как у В. Высоцкого: «От границы мы Землю вертели назад – Было дело сначала. Но обратно её закрутил наш комбат, Оттолкнувшись ногой от Урала... Я ступни свои сзади оставил, Мимоходом по мёртвым скорбя, Шар земной я вращаю локтями – От себя, от себя!»

которых в качестве базовой структуры содержатся концепты Судьбы, Пути-Дороги, мчащихся коней.

Данные концепты играют важную роль в поэзии, в философской лирике. Пожалуй, нет ни одного большого русского поэта, у которого концепт Пути-Дороги не был бы средством выражения Судьбы России, судьбы самого автора – достаточно вспомнить наследие Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Есенина, Твардовского¹²⁷. Это в полной мере можно отнести и к бардовской поэзии второй половины XX-го столетия. Проиллюстрируем это на примере поэтического творчества Владимира Высоцкого.

В песне В. Высоцкого «Горизонт» (1971)¹²⁸ концепт Судьбы разворачивается посредством образа Дороги, уходящей в «край земли», в «горизонт», где героя поджидает смерть или «финиш»: *Чтоб не было следов, повсюду подмели... / Ругайте же меня, позорьте и трезвоньте: / Мой финиш – горизонт, а лента – край земли, / Я должен первым быть на горизонте!*. Реализация концепта Жизненного Пути обусловлена в произведении заключением некоего пари относительно траектории движения: *«Условье таково: чтоб ехать – по шоссе, / И только по шоссе – бесповоротно»*.

Дорога, по которой мчится герой, полна опасностей, о которых вначале он только догадывается, испытывая нехорошие предчувствия: *«Наматываю мили на кардан / И еду параллельно проводам, / Но то и дело тень перед мотором: / То чёрный кот, то кто-то в чём-то чёрном»*. Однако затем предчувствия трансформируются в реальные угрозы для его жизни: *«Наматываю мили на кардан / И еду вертикально к проводам. / Завинчивают гайки... Побыстрее! – / Не то поднимут трос, как раз где шея»*.

Наконец, выстрел по колёсам останавливает героя, в результате он не достигает Конца Пути – «горизонта», зато остаётся живым: *«И плавится асфальт, протекторы кипят, /*

¹²⁷ Стоянов В.В. Концепт пути в лирики В. Высоцкого // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. Челябинск: Два комсомольца, 2011. 66 с. С. 55–58.

¹²⁸ Высоцкий В. Горизонт / Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/19419/gorizont>.

под ложечкой сосёт от близости развязки. / Я голой грудью
рву натянутый канат! / Я жив – снимите чёрные повязки!».

Вместе с тем, пари остается проигранным: герой так и не узнал, как решается главный экзистенциальный вопрос – можно ли раздвинуть «горизонты» Жизненного Пути (или Судьбы), есть ли у него такая власть: «Меня просили: «Миг не проворонь ты! / Узнай, а есть предел – там, на краю земли? / И можно ли раздвинуть горизонты?».

В песне «Кони привередливые» (1972)¹²⁹ концепты Судьбы и Пути-Дороги реализуются посредством метафорического образа мчащихся коней, с управлением которых лирический герой никак не совладевает. Кони несут его к «последнему приюту», т. е. – к концу Жизненного Пути: «Сгину я – меня пушинкой ураган сметёт с ладони, / И в санях меня галопом повлекут по снегу утром... / Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони, / Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!»

Герой Высоцкого четко осознаёт, что сам Путь, по которому несётся его плохо управляемая упряжка коней, – чрезвычайно опасен, поскольку впереди – пропасть, куда он вот-вот провалится, и гибель эта неизбежна: «Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий. / Так что ж там ангелы поют такими злыми голосами?! / Или это колокольчик весь зашёл-ся от рыданий, / Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!». Но всё же стремление оттянуть время до наступления страшного конца возоблаго, что в итоге позволило герою «допеть» свою песню (то есть творчески не умереть): «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее! / Умоляю вас вскачь не лететь! / Но что-то кони мне попались привередливые... / Коль дожить не успел, так хотя бы – допеть! / Я коней напою, я куплет допою – / Хоть мгновенье ещё постою на краю...».

В песне «Чужая колея» (1972)¹³⁰ концепт Судьбы разворачивается посредством метафорического образа «чужой колеи», символизирующей проторенный чужими людьми Жизненный Путь, который сам герой, отнюдь, не выбирал, но который ему вначале показался весьма комфортным: «Но

¹²⁹ Высоцкий В. Кони привередливые / Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/19303/koni-priveredlivye>.

¹³⁰ Высоцкий В. Чужая колея / РуСтих. URL: <https://rustih.ru/vladimir-vysockij-chuzhaya-koleya/>.

почему нейметса мне – нахальный я, – / Условья, в общем, в колее нормальные: / Никто не стукнет, не притрёт – не жалуйся! / Желаетшь двигаться вперёд – пожалуйста! / Отказа нет в еде-питье в уютной этой колее. / И я живо себя убедил: / Не один я в нее угодил. / Так держать – колесо в колесе! – / И доеду туда, куда все».

Двигаясь в чужой колее, герой вдруг сталкивается с настигшей его «бедой»: «Вот и ко мне пришла беда – стартер заел, – / Теперь уж это не езда, а ёрзанье. / И надо б выйти, подтолкнуть – но прыти нет, – / Авось подтянет кто-нибудь и вытянет». Не дождавшись помощи, герой начинает осознавать, что колея – не его, она ему чужая, и ему надо выбрать собственную колею (именно свой Жизненный Путь): «Напрасно жду подмоги я – Чужая это колея... / Прошиб меня холодный пот до косточки, / И я прошёлся чуть вперёд по досточке. / Гляжу – размыли край ручьи весенние, / Там выезд есть из колеи – спасение! / Я грязью из-под шин плюю в чужую эту колею».

В конечном итоге, герой сделал свой выбор, определившись с собственным Жизненным Путем. Он предлагает всем другим сделать то же самое: «Эй вы, задние, делай как я! / Это значит – не надо за мной. / Колея эта – только моя, / Выбирайтесь своей колеёй!».

В произведении «Две судьбы» (1976)¹³¹ лирический герой представляет свой Жизненный Путь посредством метафорического образа водоворота, в который его затянули две «старухи», две его судьбы – Кривая и Нелёгкая. Герою вначале нравилось бездумно плыть по жизни, по течению: «Жил я славно в первой трети / Двадцать лет на белом свете – по влечению, / Жил бездумно, но при деле, / Плыл куда глаза глядели – по течению». Но вот его стало затягивать в гиблое место, и тогда-то перед его глазами явились две Судьбы, где одна – олицетворение «кривой дорожки», а другая – «нелегкого пути». Однако ни та, ни другая не были способны спасти героя. Опомнившись от морока и выпитого, герой начинает самостоятельно выбираться на стремнину и таким образом спасается, бросив на погибель две свои порочные Судьбы: «Лихо выгреб на стремнину: В два гребка – на середину! / Ох, пройдоха я! / Чтоб вы сдохли, выпивая, / Две судьбы мои –

¹³¹ Высоцкий В. Две судьбы / Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/19401/dve-sudby>.

Кривая да Нелёгкая! / Греб до умопомраченья, / Правил против ли теченья, на стремнину ли, – / А Нелегкая с Кривою / От досады, с перепою там и сгнули!».

Важно отметить, что автору произведения совершенно понятно, что удачный уход героя от преследующих его двух одинаково неправедных судеб, сам факт его спасения – это, прежде всего, результат личного везения хмельного героя. Это значит, что спасение его – временное, и что ему следует готовиться к новым встречам с Кривой и Нележкой как искаженными образами собственного Жизненного Пути.

Высоцкий, таким образом, воспроизводит в своих работах схематизмы концептосферы травелога, поскольку плотно насаживает на ось базовых концептов, какими в травелогe выступают Путь и Путник, близкие им по смыслу концепты – Судьба, Дорога, Кони, Угрозы, Испытание, Конец, Смерть.

Важную роль в наглядной репрезентации концептов травелога играет фактор их пространственно-временной конфигурации, то есть, речь идет о задачах рассмотрения травелога через призму его хронотопного анализа. Именно данный аспект стал предметом изучения травелога в следующем разделе нашей работы.

1.4. Хронотоп как измерение травелога

Хронотоп – категория, позволяющая представить травелог в его пространственно-временном измерении. При этом хронотопу придается не только онтологический, но и социоментальный статус. Термин «хронотоп» происходит от греческих слов *chronos* – время и *topos* – место. Великий математик Герман Минковский в 1908 году в своем докладе на съезде немецких естествоиспытателей и врачей в Кельне отмечал, что время само по себе и пространство само по себе являются пустыми химерами. Существует только синтез пространственных и временных координат¹³². А. Эйнштейн назвал данный синтез пространственно-временным континуумом¹³³.

¹³² Петухов Сергей. Математик времени. 21 сентября 1908 года Герман Минковский выступил с докладом «Пространство и время» / Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3420323>. Дата публикации: 21.09.2017.

¹³³ Эйнштейн А. Собрание научных трудов в четырех томах. Том 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1966. 879 с.